

А. И. Свирелин

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ
НА МОГИЛЕ А. ЯГУЖИНСКОЙ

Исторический экскурс по поводу её

Москва 2005

ББК 63.3(2Рос)46
С 24

Издание подготовлено ПКИ — Переславской Краеведческой Инициативой.

Редактор А. Ю. Фоменко.

В основе переиздания — книга, изданная во Владимире в 1901 году.
Типо-литография Губернского Правления.

Эта работа также печаталась в 4 томе «Трудов Владимирской учёной архивной комиссии»,
Владимир, 1902 год, с. 29—55.

С 24 **Свирелин А. И.**
Надгробная надпись на могиле А. Ягужинской: Исторический экскурс по поводу её / А. И. Свирелин. — М.: MelanarË, 2005. — 14 с.

ББК 63.3(2Рос)46

© Александр Иванович Свирелин, 1901.
© MelanarË, 2005.

Надгробная надпись на могиле А. Ягужинской

Надпись эта находится в Переславском Фёдоровском женском монастыре в тёплом монастырском Введенском храме, в приделе святых мученик Андриана и Наталии, высечена на северной стене его. Гласит она следующее: «1733 году іюля в 30 день на память св. Апостоль Силы и Силуана и иже съ ними преставися раба Божія Генерала Павла Ивановича Ягужинскаго жена его Агаѳія Фёдоровна, дочь Хитрова, погребена 3-го августа». Посторонний обозреватель монастыря прочитает эту надпись и не придаст ей никакого особенного значения, кроме обычного, что была-де, жила, а может быть и блистала в свете жена важного вельможи, генерала Ягужинского, потом умерла и погребена в Переславском Фёдоровском монастыре: дело это не необычное — мало ли знатных лиц погребается в монастырях! Если бы обозреватель монастыря задался вопросом, почему жена Ягужинского не похоронена в одном из Московских монастырей, и если бы он даже знал, что у Ягужинского не было жены Агафьи, а была жена Анна Фёдоровна; то и эти вопросы разрешались бы для него очень просто: Анна Фёдоровна, быть может-де по смерти мужа, а может быть — по болезни своей, или по другим каким важным причинам, решила отказаться от столичной суеты мирской и посвятить себя благочестивой жизни в скромном провинциальном женском монастыре; для чего постриглась в монахини с именем Агафии, — в этом звании умерла, и, как жена важного вельможи, погребена в самом храме Фёдоровского монастыря. Незнакомому с архивною письменностью надпись эта больше сего ничего не скажет ни его уму, ни его сердцу. Между тем архивные документы Фёдоровского монастыря и другие источники дают нам знать, что тут скрывается самая тяжёлая, грустная семейная драма, доставившая множество хлопот и Святейшему Синоду, и Фёдоровскому монастырю, доказывающая в то же время, что жизнь в монастыре генеральши Ягужинской не добровольно избрана ею для благочестивых подвигов, а невольно навязана ей по настойчивому желанию её супруга.

с. 1

с. 2

Октября 21-го дня 1723 года в скромную Фёдоровскую обитель последовал указ из канцелярии Святейшего Синода игумении Елисавете с сёстрами такого содержания:

По указу, присланному из Святейшего Синода велено генерала лейтенанта и генерала прокурора Павла Ивановича Ягужинскаго бывшую жену его Анну Фёдорову дочь за *некоторые* ея вины послать в ваш монастырь, в котором ей быть до скончания жизни неисходно; чего ради в том монастыре отвесьте вам надлежащия кельи, а она Анна Фёдорова дочь прислана будет в скорости.

Указ этот должен был произвести на игуменью Елисавету с сёстрами ошеломляющее действие. Сама игуменья в этом же году 17 августа¹ была произведена в настоятельницы монастыря, не освоилась с своею должностью, не огляделась хорошенько в монастыре; а тут надобно было приготовить особые кельи для сосланной в монастырь за какие-то вины генеральши, подумать о прислуге для неё и содержании её; а монастырь бедный и тесный; братских келий по плану монастыря 1694 года был один корпус, в котором, по описи 1701 года, жило стариц и послушниц 190. Была одна келья, называемая казённой; но и она

с. 3

¹Указ этот см.: *Владимирские Губернские Ведомости*. — 1900. — № 48.

не была свободна: жила в ней богатая вкладчица, дочь дьяка мастерской палаты Наталья Ивановна Взимкова. Между тем указ канцелярии Синода надобно было исполнить; в указе сказано, что подначальная прислана будет вскорости.

В это время забот и тревог для монастыря игуменья Елисавета от 24 октября 1723 года получила новый указ уже прямо из Святейшего Синода, более разъясняющий дело сосланной в монастырь генеральши и её содержание в монастыре. В указе изложено:

с. 4

По определению Св. Синода по прошению генерал-лейтенанта и генерала прокурора Павла Ивановича Ягужинского следовано в прошлом 1722 и нынешнем 1723-м в разных месяцах и числах в Синодской канцелярии о *непотребных и неистовых* жены его Анны Фёдоровой дочери *делах* и по тому следованию явилась она в важных винах *весьма подозрительна* и лишению брака повинна, которых ради ея важных вин по правилам и по законам и по государственным правам августа 28-го сего году Его Императорского Величества указом и согласным Свят. Синода приговором она Анна от онаго мужа отлучена и безбрачна быти определена... и Свят. Синода приговором велено его генерала жену по сказкам свидетельствовавшим на неё и по своим ответам, именно: в учинении церковного мятежа, в нанесении церковнику озлобления и в метании креста с мощми и иконы быти повинною наказанию. Но понеже она последним своим ответом показала, будто то чинила в меланхолии и безпамятстве, вместо такого достойного наказания послать её в Фёдоровский монастырь с таким определением, что в том монастыре быть ей до скончания жизни ея неисходно и жить не предерзостно и не безчинно, но смиренно и воздержно в обычайном начальствующих персон послушании, а пропитанием и прочими потребностями довольствоваться её и особливом присмотре к ней определить по объявленному обязательству, ему генералу своим иждивением содержать, дабы в монастыре монахиням лишнего отягощения не было. И по указу Его Императорского Величества и приговору Св. Синода оставшагося в Москве члена и ассессоров велено к бывшей жене его, где она обретается, послать из канцелярии Синода секретаря, которому велеть сказать Его Императорского Величества указ, дабы она по силе указа во оный Фёдоровский монастырь ехала, не отговариваясь ничем... И ассессор Семён Катыгулов указ Анне Фёдоровой дочери объявил, и по тому объявлению она в Фёдоровский монастырь сего октября 24-го послана с канцеляристом из канцелярии Синода Андреем Ушаковым,¹ а котораго числа она Анна Фёдорова принята будет, о том в канцелярию Св. Синода прислать доношение.²

с. 5

В указе этом высказываются очень ясно наказания, какие присуждены осуждённой, а вины, за которые они налагаются, как-то недоговариваются, смалчиваются. Ей, например, изрекается, что она лишению брака повинна, от мужа отлучена и безбрачна быти определена: наказание самое тяжкое и страшное для жены! а о винах, за которые оно налагается, замечено только, что она в важных винах подозрительна; но какие именно это вины, не указаны. Ей определено быть в монастыре до скончания жизни, как мера снисхождения после её раскаяния, что она делала вины в меланхолии и безпамятстве, вместо наказания (например, заключения в тюрьму, сажания на цепь, битья батогами и тому подобно), и вины приведены: церковный мятеж, нанесение церковнику озлобления, метание креста и иконы; а того не сказано, что всё это творилось ею в безпамятстве в своей домовый церкви, при которой были свой священник и дьячок.³ Такая жестокость к подсудимой объясняется, конечно, и духом того времени, когда не угодивших мужам жён без церемонии убирали в монастыри даже из княжеских и царских палат, и против воли их постригали в монахини. Особенно же она объясняется высоким положением, какое занимал Ягужинский в государстве, и его настойчивостью поскорее отделаться от не угодившей ему жены и приобрести другую, более удобную, которая по воле Государя в это время была уже назначена. Происхождение П. И. Ягужинского не блестяще: родился он в Польше в 1683 году,

с. 6

¹ В «Описании архивных дел и документов Святейшего Синода», т. 2 написано: с канцеляристом Улановым.

² Доношение о принятии монастырём Анны Фёдоровны было 11 ноября того же 1723 года.

³ У Ягужинского был свой дом в Санкт-Петербурге на Васильевском острове, а в Москве несколько домов: один за Пречистенскими воротами в приходе Святого Власия, другой — на Знаменке, третий, в котором жили его дети, на Мясницкой; в котором была домовая церковь — трудно сказать; но что она была — это видно из дела о Ягужинской.

откуда отец его в 1687 году выехал в Россию. Император Пётр I, нечаянно увидев Ягужинского и заметив его способности, взял к себе на службу; затем, постепенно возвышая его, в 1722 году января 12-го¹ (на 39-м году его) возвёл в звание генерал-прокурора с правами наблюдать за деятельностью членов открытых коллегий, не исключая Сената, и за правильным, безотложным производством дел, и за действительным исполнением решённых.² Император Пётр I, при отъезде своём в Астрахань, представляя Ягужинского сенаторам, сказал: «Вот моё око, коим я буду всё видеть; что он заблагорассудит, то вы и делайте». Чего же не могла сделать и чего — сломить эта громадная сила в государстве — и кто мог противоречить ей? И действительно, всё делалось так, как он хотел: это особенно ясно видно из бракоразводного дела его с женой.

Изложенный выше указ Святейшего Синода о посылке в Фёдоровский монастырь осуждённой Анны Ягужинской есть результат судебных исследований её виновности, содержащий притом много недомолвок, неясностей. Для полноты дела необходимо знать, как велось самое судопроизводство, приведшее Ягужинскую к такому печальному концу.

с. 7

Разлад генерала Ягужинского с женой обнаружился ещё в 1721 году. Это видно из ответов самой жены его на вопросы о непотребных и неистовых её делах. Тогда она отвечала: «Всё ль то чинила — не упомнит, а если что чинила, то в беспамятстве своём в меленколии, которая ей случилась в Санкт-Петербурхе в 1721 году». Тогда генерал отослал свою жену в Москву и разлучил её с своими детьми. Однако в течение всего года Ягужинский не вчинил формально дела о разводе своём с женой, потому, конечно, что не находил законных к тому причин, и потому, что сам ещё не пользовался такою властью, какую облечён был впоследствии. Когда же в 1722 году получил он должность генерал-прокурора с огромными правами, то в этом же году объявил решительный поход против жены с целью добиться формального развода с нею. Первое прошение о разводе с женой Ягужинский подал в Святейший Синод 22 сентября 1722 года. В нём он писал, что от жены своей

не токмо в супружестве непозволяемая обиды имею, но и прочие закону христианскому противные поступки и иныя мерзости чинятся, которыя вашей святости для подлиннаго уверения и свидетельства за руками священника (то есть своей домовою церкви) и прочих моих служителей при сём прилагаю. Того ради, уповаю на милостивое разрешение Святейшего Правительствующего Синода, покорно прошу меня с нею развязать, дабы бедныя мои малыя дети от такой непотребной матери вовсе не пропали.

с. 8

Будь на месте Ягужинского кто другой, Святейший Синод оставил бы прошение без рассмотрения, потому что в нём не было свидетельства о том преступлении (разве словесе прелюбодейного...), за которое расторгается брак: выставляются только свидетельства о непозволяемых поступках домашних своими же домашними служителями. Но генерал-прокурор Ягужинского прошение Святейший Синод принял к рассмотрению и производству немедленно: сперва 22 октября, а потом 14 ноября Синод приговорил: допросить всех свидетелей порозно под присягою и исследовав достоверно и расписав по пунктам — показания их прислать в Синод немедленно. Начались допросы. Один из служителей донёс о исполнении своей госпожою даже естественных потребностей, и о том, что она была стёкла и делала другие бесчинства и буйства. Пришли от Синода свидетельствовать канцелярист и инквизитор — и нашли, что стеклянные рамы выбиты и в палатах и избах (но кем?), женщины биты и кусаны (но кем?). Анна Фёдоровна была при осмотре, слышала и видела всю грязь, пачкающую её невежественными служителями, и сказала только инквизитору: «Донесите Его Императорскому Величеству, что имею до Его Императорского Величества слово». Анна Фёдоровна по сему случаю взята была в Преображенское во дворец. Сробел немного Ягужинский и погнался за женой во дворец, и здесь всякими льстивыми речами и обещаниями — склонил её ехать к нему в дом. Между тем в Святейший Синод подал вторичное

¹Указ об обязанностях генерал-прокурора был дан 27 апреля 1722 года.

²Ягужинский, в звании генерал-прокурора, постоянно присутствовал в Сенате при докладе дел. Сенаторам, по выслушании доклада, позволялось переговорить между собою о решении того и другого дела, — для чего давался срок от 0,5 часа до 3-х часов. Для точного определения времени генерал-прокурор Ягужинский ставил песочные часы на стол, и когда из них песок высыпался весь, сенаторы должны садиться на свои места и подавать голоса, начиная с младших. (Иванов, П. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции / П. Иванов. — СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1863. — С. 3.)

- с. 9 прошение о разводе, в котором к прежнему дополнял, что он всякими увещаниями и уступками тщился исправить жену свою, дал ей волю во всяком довольстве жить, и ездить и гулять по её собственной воле, но она только одну ночь ночевала, а потом ночевала в разных домах. Святейший Синод от 19 июня послал остававшемуся в Москве Синодальному члену (Новоспасскому Архимандриту Иерофею) указ — вновь допросить жену Ягужинского, о чём не была она спрошена, а также всех служек генеральского дома; причём было сказано, что если Ягужинская в допрос не пойдёт и уклонится от ответов, то будет, и без ответов её, по тому делу обвинена. Что отвечала Ягужинская на вопросные пункты — из дела не видно, кроме тех ответов, которые можно было принять к её осуждению. Всё же, что писал против её Ягужинский в своих прошениях, — всё, что показывала прислуга его, в числе 15-ти человек, из коих было много иноземцев, — всё принято за правду и повело к осуждению её. Августа 21-го 1725 года в Святейшем Синоде состоялось такое определение: «Да будет она, Ягужинская, с нынешнего времени от мужа своего отлучена и да пребывает она безбрачна». Основания к этому определению приведены следующие:
1. Показания о непотребствах её домовою церкви священника, дьячка и 15-ти человек прислуги. Хотя-де, замечено в деле, в большем, что показывали против неё, она и запырлась, однакож к некоторым непотребствам и продерзостям явно себя, своим ответом признала (это что говорила, что в беспамятстве делала!); а собственное признание (по 2
- с. 10 главе процессов, п. 1) есть лучшее всего света свидетельство. А против того возражения, что свидетелями были свои Ягужинского люди, в указе приведён п. 2 № 12-й 3-й главы процессов, в котором сказано, что и такие свидетели, которые в доме челобитчиков хлеб едят или в службе его суть, буде иных свидетелей получить не мочно, в свидетельство приемлются, — а иностранцев свидетелей за посторонних признать можно; а во Второзаконии говорится, что и при двою свидетелей всяко слово да станет.
2. Ходила ночевать в дом садовника и жила в чужих домах и в монастыре по три дня, по неделе и по две. А по новой заповеди царя Иустиниана «аще жена, не хотящу мужеву ея, вне дому своего, кроме родителей своих, хотя и едину ночь прележит, брачному подвергает разлучению» — и потому лишению брака повинна есть.
3. При допросах сказывала разные речи о своих непотребствах: сперва говорила, что в меланхолии, случившейся в Петербурге в 1721 году, творила их, а июля 22-го 1723 года говорила: всё ль то чинила, не упомнит, а что чинила, то чинила в своей меланхолической скорби от разлучения сожителя и детей своих; 31-го же июля сказала третьи речи, что всё чинила она от скуки и одиночества. По соборному же уложению (10 глава 104 ст.) разность речей, употребивших тую, в вину причитается. А третьи речи, что чинила непотребства от скуки и одиночества, показывают её быть весьма лживою и невероятною; ибо от мужа такая свобода ей была, что можно б ей без скуки быть: она могла жить во всяком довольстве, по собственной воле ездить и гулять; между тем она только одну ночь ночевала в своём доме, а в прочее время дружество и пребывание имела с неизвестными ей жёнами, которых муж её признаёт за подозрительных — и тем показала явную мужу своему противность, и разлучению брака весьма явилась повинна.
- с. 11 На основании сих главных доводов и состоялось вышеозначенное определение Святейшего Синода о расторжении брака. Канцеляристы, составлявшие доклад Синоду, изоощрили всю свою мудрость и приложили все свои знания, чтобы направить доклад к осуждению обвиняемой, пользовались её каждым неосторожным шагом и словом, перечитали все бывшие тогда законоположения (например, Соборное Уложение, главы и пункты процессов, заповеди царя Иустиниана и, наконец, книгу Второзакония), чтобы что-нибудь в них найти подходящее к осуждению — и успели в том! При каждом доводе употреблялось речение: разлучению брака повинна есть, как говорил древний римлянин: *delenda est Carthago!* Если бы у Ягужинской, как ныне, были адвокаты, они в этом процессе не оставили бы ни одного живого слова, и весь процесс опровергли бы. Первый пункт осуждения построен на очень шатком основании. Второй пункт, построенный на новой заповеди царя Иустиниана (аще жена, не хотящу мужеву и прочее), не пригоден в данном случае. Муж уже отделился от неё и отправил её в Москву, следовательно, она выходила из дому в другие дома без мужа. В 3-м пункте разность речей в показаниях Ягужинской, поставленная ей в вину, могла найти только канцелярская казуистика. Все её разности в показаниях, замеченные в разных годах, очень просто сводятся в одно: в меланхолической скорби, происшедшей в 1721
- с. 12

году, от разлучения с мужем и детьми, помещённая в Москве под надзор холопов, в полном одиночестве и скуке, она в беспамьятстве (а может быть, и в истерике) не помнила, что чинила непотребного, и не знает, всё ли то чинила, что показывают на неё, тем более, что прошёл уже почти год после первого её показания. В том же пункте Ягужинская названа весьма лживою и невероятною; потому что сказала, что чинила непотребства от скуки, — а скучать-де было не от чего, так как муж давал ей жить в его доме во всяком довольстве и давал волю и ездить, и гулять, а она-де ночевала в доме своём только одну ночь, а прочее время жила в чужих домах у женщин, по мнению мужа, подозрительных. Обвинение это объяснить можно разве только духом того времени, когда смотрели на женщину как на какое-то дитя, которое можно заставить перестать плакать какою-нибудь игрушкой, или на животное, которое можно успокоить хорошим кормом. Истерзанной душевно, брошенной мужем, разлучённой с малыми детьми, опозоренной, обращённой из прежнего величия в ничтожное состояние, помещённой в доме, в котором каждый холоп мог безнаказанно издеваться над ней, подмечать за ней и показывать против неё, что ему угодно, не имевшей к тому же, из боязни мужа её, ни в ком ни поддержки, ни защиты — да что ей довольство, которое давал ей муж, что ей палаты, в которые он её засадил? Ей, конечно, они опротивели, как и всякое довольство его; она рада была бежать, куда глаза глядят, чтобы немного отдохнуть душой в каждой бедной хижине. «Не прав, кто счастья личину, как истукан-язычник чтит».¹ Но как бы то ни было, определение о расторжении брака состоялось; а «рождённым от них детям, — сказано в том же определении, — быть при оном отце их, *яко при невинном лице*», о чём и дано знать и Ягужинскому и жене его (21 августа 1728 г.).

с. 13

Исполнилось желание генерала Ягужинского: жена его осуждена, развод с нею состоялся, — сам он признан невинным, руки развязаны, чего бы ещё? Нет, этого ему мало; ему надобно было убрать её с глаз долой, изгнать её из Москвы и упрятать в монастырь подальше от Москвы. Сентября 17-го просил он Государыню Императрицу Екатерину Алексеевну послать отлучённую от него жену в Александрову слободу в Успенский девич монастырь — и получил Её соизволение; а в Святейший Синод (18-го сентября) послал заявление, что он обязуется содержать её своим иждивением во всяком довольствии, якоже, добавил, и должность моя то есть, а не иного. Святейший Синод того же числа распорядился послать немедленно указ об отсылке Ягужинской в означенный монастырь. Но бывший у Государыни архиепископ Новгородский объявил в Синоде волю Государыни не посылать жены Ягужинского в Александровский монастырь, а в какой-либо другой крепко-жительный. Святейший Синод выбрал для отлучённой Фёдоровский монастырь в Переславле-Залесском, куда и послал указ, поставленный нами в начале этой статьи.² Ягужинская отправлена была в Переславль 24 октября 1723 г. в силу Синодского указа от 24 сентября, во исполнение воли Государыни Екатерины.³

с. 14

Генерал Ягужинский, получивши в тот же день 24 сентября уведомление о состоявшемся определении Святейшего Синода об отсылке жены его в Переславский монастырь, очень встревожился: объявлено было ему, что отлучённая от него жена послана в Переславский монастырь, а о разрешении ему вступить в новый 2-й брак, чего он и добивался, к чему и вёл судебный процесс, ни слова не было сказано. Как человек горячий и вспыльчивый,⁴ он того же 24 сентября послал в Синод *покорное* прошение, чтобы он во внимание к его *сущей невинности* позволил ему вступить во второй брак. Святейший Синод на другой же день (25 сентября), на основании 9 правила Василия Великого⁵ и кодекса Иустинианова (кн. 5, п. 5) дозволил *господину* Ягужинскому второбрачное сочетание.

¹ Стихи, приписываемые Митрополиту Филарету.

² В «Опыте биографий генерал-прокуроров» пишется, что Ягужинская заключена в одном из Московских монастырей. Ни из бракоразводного дела в описании архивных дел и документов Синодских, ни в документах Фёдоровского монастыря — этого не видно.

³ Почему Государыня Екатерина Алексеевна распорядилась этими делами, когда ещё Император Пётр I был жив — разъяснения тому мы нигде не могли найти. В июле 1723 г. он ездил на месяц в Ревель, а в сентябре он должен быть в Петербурге.

⁴ Рассказ английского посланника в «Опыте биографий генерал-прокуроров».

⁵ В книге правил, издание 1874 г., 9-е правило совсем не говорит о разрешении 2-го брака после расторжения 1-го. В нём сказано: «Господне изречение, яко не позволительно разрешатися от брака, разве словесе прелюбодейного (Мф. 5, 32), по разуму оно, равно приличествует и мужам, и женам. Жена, оставившая своего мужа,

Свадьба генерала Ягужинского должна состояться в октябре или 1-й половине ноября до Рождественского поста того же 1723 года. Невесту указал ему сам Император Пётр I. Это была дочь великого канцлера Головкина, фрейлина Анна Гавриловна. По рассказу современников, она считалась лучшей танцовщицей в Петербурге, имела прекрасный стан и отличалась приятностью в обхождении.¹ Свадьба была роскошная; сам Император с Императрицей и придворными дамами был на ней. Теперь бы Ягужинскому только жить и поживать на радость и утешение себе. Однако целый год жестокой борьбы с прежней женой заставил его быть настороже, тем более, что он сам очень хорошо понимал недостаточность вин жены, поведших к расторжению брака, а жена ещё лучше его понимала это. Обязавшись содержать разлучённую жену свою в монастыре своим коштом и обеспечить её своею прислугою, он приставил к ней таких доверенных ему верных слуг, которые бы следили за каждым шагом жены отлучённой и старались бы отыскивать в ней новые преступления, которыми яснее доказывалась виновность и порочность её. Такою покорною слугою явилась некая боярской боярыни Татьяна Филиппова дочь. В июле 27-го следующего 1724 года, когда, быть может, на радость и утешение родителей Ягужинских, родился сын, она приходила в игуменьину келью и докладывала Даниловскому архимандриту Варлааму (вероятно, благочинному) и игуменье Елисавете, что её *госпожа* минувшего 6 числа сего месяца посылала её подводу нанимать, чтобы ей из Фёдоровского монастыря уйти на этой наёмной подводе, а она, Татьяна, не послушалась, за что она её била и увечила; да она же за неделю прежде сего (то есть около 1 июля) говорила, чтобы ей боярской боярыни Фёдоровской монастырь зажечь, а в то время из того монастыря уйти ей было свободно, «а я ей, госпоже то воспрещала и в том не послушалась, и за то на меня гневалась и велела гладом морить».

Устные речи Татьяны, хотя передавались спустя много дней после событий, монастырские власти записали и представили уже в более подробном виде так: Татьяна Филиппова показала, что Анна Фёдоровна её била и говорила: «мне-де и на глаза не надобна». А била за то, что посылала в Ямскую слободу для найма подводы, чтобы её Анну увезли, и она в том не слушалась, а ходил для подряду ямщиков по приказу её Иван Калмык, который при ней Анне живёт, и приговорил Московских дорогомилловских ямщиков, а сказала ему, что поедет не она, а вдова Евтихеевна. И приходили к ней для задатку денег, а она Татьяна сказала им, что едет Анна Фёдоровна, и что им худо будет, понеже указ Государев есть, чтоб ей быть вечно, и стали её жёнку ямщики бранить и от монастыря отошли. А она, Анна, посылала в другой раз девку пряху² за монастырь, и та девка сказала тож, что уехали, и сего июля, пред отъездом её жёнки Татьяны, посылала ночью для огня в келью к старице Наталье Взимковой,³ и ходила, и огня не принесла, опасаясь, как бы она не зажгла монастырь, потому что говорила, что если-де не уеду, то зажгу монастырь; а вдова Евтихеевна у ней не живёт, уехала к Москве.

есть прелюбодейца, аще перешла к другому мужу». Но генерал Ягужинский сам бросил жену, чего она не хотела и к другому мужу не перешла.

¹Иванов, П. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции / П. Иванов. — СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1863.

²Пряхи были присланы в Фёдоровский монастырь Императором Петром I для обучения живущих в монастыре прясть из немецкой пряжи. В 1724 году известны были пряхи: Дарья Григорьева и Пелагея Андреева. Они получали от монастыря и денежное, и хлебное жалованье, которое, впрочем, получали они не аккуратно. Так, в 1724 году они жаловались, что за 1723 год денежного жалованья им не выдано, а хлебного в десять недель было выдано только по полуосмине овса и ржи. (Монастырский Фёдоровский архив.)

³Старица Наталья Взимкова была дочь мастерской палаты дьяка Ивана Дмитриева, родилась в 1673 году. В монастырских документах она называется знатною и весьма богатою вкладчицей-монахиней. Вклады её в монастырь действительно были очень богатые и замечательные по изыскству. (См. Свирелин, А. И. Переславский Фёдоровский женский монастырь / А. И. Свирелин. — Владимир, 1903.) Вклады её стали быть известными в монастыре с 1692 года, когда она была монахиней, хотя ей было только 19 лет от роду; такое раннее её монашество предполагает какое-нибудь особенно великое событие в жизни её, приведшее её к монашеству; но в монастырских документах на это нет никаких сведений. Из книги Князя Семёна Михайловича Воронцова известно, что Императрица Екатерина I, царевны — Екатерина Алексеевна, Наталья Алексеевна, царица Прасковья Фёдоровна в письмах к Даниловскому архимандриту Варлааму, прежнему их духовнику, когда он был в Москве белым священником, под именем Василия Антипьевича Высотского, просят его обратить особенное внимание на старицу Фёдоровского монастыря: *Наталью Ивановну Взимкову*, Есфирь Герасимовну и Исмарагду Прокофьевну, которых нередко приглашали из Переславля к себе во Дворец. Скончалась Наталья Ивановна в Фёдоровском монастыре в 1750 году.

Жёнка Татьяна из Фёдоровского монастыря поехала в Москву в дом Ягужинского, и, конечно, с прикрасами передала генералу о поведении осуждённой жены его в Фёдоровском монастыре. И хотя речи Татьяны были не обследованы, как должно, — он и эти голословные речи, без объяснения ответчицы, сентября 20-го 1724 года передал находившемуся в Москве Синодальному члену Новоспасскому архимандриту Иерофею для надлежащих с его стороны распоряжений. Исполняя волю Ягужинского, архимандрит Иерофей немедленно писал Даниловскому архимандриту Варлааму, что он от дому генерала Ягужинского получил письмо и при нём приложенным записные речи Татьяны, из которых-де явствует, что Анна Фёдорова в Фёдоровском монастыре ведёт жительство зазорное и неумеренные поступки, не страшась ничего от отчаяния своего, и потому предписывается, чтобы он, архимандрит, настоятельнице монастыря накрепко подтвердил — содержать бывшую генерала жену накрепко и приставить к ней для сторожи добродетельных монахинь, дабы она ни чрез какие домогательства из того монастыря изойти не могла.

с. 18

Но этого письма Синодального члена Ягужинскому казалось недостаточно. Так как в сферу преступлений, повлекших за собою расторжение брака с Анной Фёдоровной входили неистовые и непотребные поступки её; то он желал и речи жёнки Татьяны довести до сведения Святейшего Синода. На основании этих речей и из Синода последовал указ следующего содержания: поелику-де бывшая жена генерала Ягужинского о побеге из того монастыря помышляет и монастырь грозитя сжечь, как показано в речах Татьяны, а в келье ей свободно жить допустить невозможно; посему приказано взять со всех живущих в монастыре подписки, чтобы все знали, что она порочная жена, и помоществования в её противности никакого не чинили; а кто посторонний будет ей в том помогать, того ловить и отсылать в том городе к суду духовному; в келью её приставить женского пола неотлучных сторожей; а в слободах подмонастырных учинить всем жителям наказ — крепко исполнять указ Его Императорского Величества; буде же она каким вымыслом уйдёт из монастыря, и они чинили бы за нею скорую погоню на лошадях для поимки её и привода в монастырь.¹

Как ни круты и строги были принятые против Ягужинской меры, однако они не могли смирить её духа — и виновной себя она не признавала. Сколько ни было указов против неё, в них не значилось словесе прелюбодейного, за которое расторгается брак; почему она смело говорила всем, что все принятые против неё строгости делались в угоду её мужу генералу, который, по причине её болезни, захотел расторгнуть брак с нею — и жениться на другой.

с. 19

Генерал Ягужинский, после стольких хлопот о расторжении брака с женой и двухлетней борьбы с нею, крайне возмущён был распространяемыми речами отлучённой жены на его счёт. Гордый и вспыльчивый, он обратился к своему семейному, а быть может, и прислуги, архиву, и здесь нашёл переписку женщины с мужчиной и от мужчины с женщиной, в которой нашёл между ними любовную связь, бывшую 7,5 лет тому назад. 1724 г. мая 25-го он подал в Синод прошение, в котором заявлял, что он вступил во 2-й брак; но что первая жена, заключённая в Фёдоровский монастырь, порицает его, будто она невинно послана в монастырь; почему и представляет теперь, чего прежде не решался объявлять, несколько писем, которые обличают их любовную связь. И хотя Святейший Синод назвал их только подозрительными; однако июня 1-го 1724 г. состоялся такой указ:

Приказано собрать всех монахинь и служителей церковных и мирских на собор, и сказать, что она, Анна, порицает во услышание всех суд о ней Святейшего Синода и генерала Ягужинского напрасно, будто она безвинно и за одну только болезнь её сослана в монастырь, не представляя важных своих вин, но что она осуждена по правилам Святых отец, за важные вины, за что следовало поступить с нею жесточе, кроме явившегося по оным письмам прелюбодейного подозрения, которое хотя и тогда было слышно, однакож за умолчанием в доношениях оного просителя в дело не внесено, дабы она сама, ведая такую свою вину, во обличение произведённую, причитала то к терпению и пребывала в смиренном молчании. А понеже тем она явилась недовольна и порицать дерзнула; того ради ныне то умолчанное подозрение в прелюбодействе объявляется всем на явное её обличение, чтобы монастырь ведал, что она

с. 20

¹Речей Татьяны Филипповой и состоявшихся по ним распоряжений нет в бракоразводном деле, значащемся в описании дел и документов Святейшего Синода (Т. 2, ч. 2); они извлечены из архива Фёдоровского монастыря.

порочная жена и не без вины от мужа отлучена; и если она и впредь будет недовольна, или порицать Синод и оного кавалера,.. тогда поступлено с нею, как с прелюбодейцею без всякой пощады, и всем в монастыре подтвердить, чтобы они не дерзали бы ей ни в чём помогать, что в противном случае за защиту её монахини и церковники подпадут тяжкому штрафу, а светские — жестокому наказанию. А ежели кто будет приходить или писать ей, тех ловить и под караул сдавать в том городе к духовному суду, а от него присылать их к учинению указа в Святейший Синод.

Подозрительные письма присланы были из Синода с канцеляристом, который, по прочтении их в монастыре, должен доставить в Синод в целости.

с. 21 Два-три слова о подозрительных письмах. Представлены были — одно письмо от женщины к мужчине, а другие от того мужчины к ней. Письма мужчины, некоего Револьда, помечены — Рига — 31 марта / 3 апреля 1716 года: а в письме женщины имени не поставлено; оно приписано Анне Фёдоровне по сличению его почерка с её подписями в деле. Странно: почему Ягужинский, решившись развестись с женой, 7,5 лет молчал о нём? Тогда бы скорее развязка была. Не решался представить ранее, без сомнения, потому, что не было верных доказательств на то, что письмо женщины есть письмо Анны Фёдоровны. Приписано оно ей по сходству его почерка с её подписями; но кто сличал — и была ли при этом сама подсудимая? Нет; она была в Фёдоровском монастыре, а сличения делались в Москве. А подделать письмо под почерк её подписей мог каждый канцелярист того времени. Очень жаль, что не имеется сведений, когда Ягужинский женился на Анне Фёдоровне, тогда, быть может, оказалось бы, что переписка была до брака. В 1723 году Ягужинский заявлял в своём прошении в Святейший Синод, что его дети малы, *яко птенцы*; а для возрастания птенцов — 7,5 летний срок достаточный. Да и что особенного — прелюбодейного найдено в этих письмах? В деле приведены выдержки из письма Револьда, конечно, самые пикантные. Он пишет (в переводе с польского):

Хотя бы я три дня читал твои письма, и тогда не скучно бы было мне на свете... Скажу тебе верную правду, Божия (обожаемая!), что, сколько я ни жил на свете и сколько ни видал людей, никто так не был мил, как ты, дорогая моему сердцу... я теперь посылаю к тебе на почту ножи и вилки.

с. 22 Что это такое? Это какая-то ребяческая болтовня, что-то мещанское, произведение мелкой шляхты! Возможно ли допустить, чтобы это писано было к жене такого сильного и славного вельможи, каким был Ягужинский? Да он раздавил бы тотчас же, как насекомое, такого писака с такими ничтожными подарками, как ножи и вилки! А он 7,5 лет молчал и жил до 1721 года с Анной Фёдоровной счастливо, и птенцов от неё имел! У Ягужинского в числе домашней челяди было много поляков и полячек; всего вероятнее, что означенная переписка поляка была не с женою Ягужинского, а с какой-нибудь полячкой в доме его, да и взята им в обличение жены своей. Понятно теперь, что когда присланы были из Москвы письма для прочтения их на соборе в Фёдоровском монастыре, то все, бывшие на соборе, подписались в слышании их, а она Анна Фёдорова по двум посылкам в церковь не пошла и руки не приложила.

с. 23 Этим оканчиваются монастырские архивные сведения об Анне Фёдоровне Ягужинской. О дальнейшей судьбе её (впрочем, за один только год) сообщается в бракоразводном деле Святейшего Синода. В 1725 году апреля 7-го подал Ягужинский в Святейший Синод прошение, в котором, объявляя, что разлучённая с ним жена Анна два раза бегала из Фёдоровского монастыря и была поймана, просил перевести её в другой дальний монастырь. Святейший Синод 9 апреля определил послать её в девич монастырь, близ Кириллова монастыря, что на Шексне реке. Ягужинская от 1725 года прожила ещё 8 лет, но, кажется, не была в этом монастыре. В 1733 году встречаемся мы с нею в Фёдоровском монастыре, уже лежащею в могиле, не с именем Анны, но с именем монахини Агафьи Фёдоровны. Видела она ясно, что дело о восстановлении её супружеских прав погибло бесповоротно, что дальнейшее её противодействие распоряжениям Начальства ещё более ухудшит её участь, и потому решила смириться и жить в скромном звании монахини. Водилось тогда,

в старину, что не угодивших мужьям жён насильно постригали в монашество; но мы допускаем более ту мысль, что она приняла монашество добровольно. В брошюре Ростиславова-Савельева «Древний и Новый Переславль-Залесский» есть известие, что на Гремяче (близ нынешнего ботика Петра I) был царский дворец, а в нём жили фрейлины Ягужинские (вероятно — сёстры Ягужинского), которые потом постриглись в Фёдоровском монастыре. Император Пётр I скончался 28 января 1725 года. Может быть, в этом же году и фрейлины вышли из дворца и постриглись в Фёдоровском монастыре; а этот год падает на тот год, в который Ягужинская сослана в дальний монастырь. Пример фрейлин-родственниц очень мог расположить и Анну Фёдоровну принять монашество. Это доказывается и тем, что в погребении её видно большое доброе сочувствие и сострадание. Перечитывая её преступления, а тем более строгий беспощадные постановления, следовало бы ожидать, что смерть её, как осуждённой и опозоренной, никому не нужна, и похоронена она будет в совершенной неизвестности. Между тем она похоронена в самом храме и отмечена особенною высеченною над гробом её надписью, чего удостоиваются не многие из знатных фамилий. При жизни, после её осуждения, она называлась *бывшею* женою генерала Ягужинского; в надписи она названа настоящею женою: «Преставися раба Божия П. И. Я. жена его Агафия Фёдоровна». Кто почтил её таким честным погребением? Фёдоровскому монастырю воспрещено было выражать ей какое-либо доброе сочувствие. Вероятно, фрейлины Ягужинские ходатайствовали пред своим братом оказать ей возможные почести. И он согласился, потому что смерть Анны Фёдоровны окончательно развязывала ему руки, чтобы пожить покойною жизнью с молодой женой. Ягужинский пережил Анну Фёдоровну на 3 года и помер 1736 г. апреля в 6 день на 53-м году. Другая жена его Анна Гавриловна окончила свою жизнь самым печальным образом. После 7 лет вдовства, она в мае 1743 года вышла замуж за обер-гофмаршала М. П. Рюмина; но в августе того же года, за участие в заговоре против Императрицы Елизаветы, была наказана кнутом и, по урезании языка, сослана в Сибирь.¹ Sic transit gloria mundi huius!

с. 24

В памятниках новой русской истории, издание Каптерева, т. 3, ч. 3, стр. 303, в статье А. П. Барсукова о баронах Аш сообщается, что у Фридриха Аш было 4 сына и 3 дочери, из которых старшая была за генерал-прокурором, графом Ягужинским, с которым, как известно, была разведена по причине задумчивого и странного её нрава и заключена в один из Московских монастырей, где и скончалась.

Чтобы судить о достоинстве и достоверности этого сообщения, надобно принять во внимание следующие данные:

1. В Энциклопедическом словаре Брокгауза о бароне Фридрихе Аш говорится, что он родился в 1690 году в Силезии, — в 1726 году был почт-директором в Санкт-Петербурге, — имел 3 сыновей; о дочерях не упоминается.²

с. 25

2. Из рассмотренного нами дела о разводе А. Ф. Ягужинской с мужем документально известно, что начало развода положено было в 1721 году, а в 1722 году состоялся формально и самый развод.

3. Известный ростовский археолог А. А. Титов, к которому я обращался за сведениями, сообщил мне, что в книге, изданной в 1900 г. в Берлине Гоштенгейнером, «Русские избранники», о генерале Ягужинском сообщается, что он женат был два раза, — что от 1-й жены Анны Фёдоровны он имел двух сыновей и дочь: один сын умер в 1724 году, другой находился на службе при посольстве; дочь же Праскева Павловна была замужем за князем Гагариным.

Если же у Анны Фёдоровны в 1721 году было трое детей, то брак её с генералом Ягужинским должен быть ранее 1721 года по крайней мере на четыре года, то есть в 1717 году. Если к тому же принять во внимание, что она вступила в брак не ранее 16-ти лет

¹ Иванов, П. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции / П. Иванов. — СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1863. — С. 8.

² По сообщённым сведениям в «Русском Биографическом Словаре» (т. 2, с. 365—366) Фридрих Аш родился в 1683 году. — А. В. Смирнов.

от роду, то окажется, что она родилась в 1701 году, *когда отцу её Фридриху Аш было самому не более 11 лет от роду*: вот к каким странным, даже нелепым выводам приводит означенное выше сообщение!

с. 26 Далее, в той же статье говорится, что Анна Фёдоровна заключена в один из Московских монастырей, где и скончалась. И это известие не верно. Быть может, у кого-нибудь из членов Синода и была мысль заключить её в один из Московских монастырей; но она не приведена в исполнение. Генерал Ягужинский, как только получил известие о состоявшемся в Синоде постановлении о разводе, тотчас же просил Императрицу заключить жену в монастырь г. Александрова; но Императрица определила послать её в Переславский Фёдоровский монастырь, в котором она и умерла 1733 года 30 июля. Сомневающемуся в этом можно прямо сказать: *прииди, виждь и читай надпись над гробом ея*.

В статье Барсукова Анна Фёдоровна поименована дочерью барона Фридриха Аш, но на каком основании, неизвестно. В надгробной надписи Ягужинская названа дочерью Хитрово — и это надобно признать за правду. Она жила в Фёдоровском монастыре с 1722 года по 1733 год, следовательно, 11 лет; ужели же до самой смерти её все находились в обмане, что она не дочь Хитрово, а дочь барона Фридриха Аш? Что-то уж очень странно это! Если бы она была дочь барона из Силезии, то она должна бы быть до поступления в Фёдоровский монастырь лютеранкой; между тем у Ягужинских была при доме православная церковь с православным священником и дьячком. Для кого же она была? Нет, Анна Фёдоровна была не дочь барона, а дочь г. Хитрово, от роду православного вероисповедания. В этом несомненно убеждает нас любезно доставленная А. А. Титовым выписка из записок Князя Петра Долгорукова, изданных в 1867 г. Там на с. 184 говорится:

с. 27 царь женил Ягужинского на девушке из очень знатного рода — Анне Фёдоровне Хитрово, внучке Александра Севастьяновича Хитрово, окольного времён царствования Фёдора II. Ягужинский принял православие, чтобы заключить этот брак; но в 1722 году он развёлся с нею.

Кажется, что Анна Фёдоровна была дочь Хитрово, а не барона Фридриха Аш, разъяснено достаточно.

Указатель

Александрова слобода.....	7	Пётр I царь.....	5, 7, 8, 11
Андреева П.....	8	письма Револьда.....	10
Аш Ф.....	11	Прасковья Фёдоровна царица.....	8
Барсуков А. П.....	11	Преображенское село.....	5
Варлаам архимандрит.....	8	Ревель город.....	7
Взимкова Н. И.....	4, 8	Рюмин М. П.....	11
Воронцов С. М.....	8	Санкт-Петербург город.....	4, 5, 11
Григорьева Д.....	8	Сенат.....	5
Дмитриев И.....	8	Титов А. А.....	11
дом Ягужинского.....	4	Уланов.....	4
Екатерина I царица.....	7, 8	Успенский монастырь.....	7
Елисавета игуменья.....	3, 4, 8	Ушаков А.....	4
Иерофей архимандрит.....	6, 9	Фёдоровский монастырь.....	3, 4, 7, 8, 10–12
Калмык И.....	8	Филиппова Т.....	8
Катыгулов С.....	4	Хитрово А. С.....	12
Кириллов монастырь.....	10	церковь Введенская.....	3
монастырь		Шексна река.....	10
Кириллов.....	10	Ягужинская (Головкина) А. Г.....	8, 11
Успенский.....	7	Ягужинская А. Ф.....	3–12
Фёдоровский.....	3, 4, 7, 8, 10–12	Ягужинские фрейлины.....	11
Москва город.....	4–6	Ягужинский П. И.....	3–5, 7, 9

